

А.В. Ананьева, А.Ю. Веселова

САДЫ И ТЕКСТЫ

(Обзор новых исследований о садово-парковом искусстве в России)

// Новое литературное обозрение 75/5 (2005), с. 348-375.

Броские формулировки, такие как «Будни помещика: живем в усадьбе, строим конюшню, заботимся о пейзажном парке»¹, регулярно появляющиеся в многочисленных глянцевого журналах, свидетельствуют о том, что в настоящее время тема сада прочно вошла в поле зрения редколлегий изданий типа life-style, причем в рамках как «нового» помещичьего быта, так и «старого» дачного хозяйства. Очевидно, что тем самым представление о привычном читательском горизонте, ограниченном вопросами совершенствования своей внешности (декоративная и лечебная косметика, фитнес) и непосредственного окружения тела (одежда, украшения, квартира, мебель), существенно расширилось: внимание домовладельцев и домохозяек обращают на благоустройство внешней среды обитания в буквальном смысле². Современные глянцевые журналы, в том числе специализирующиеся на ландшафтном дизайне, а также периодические издания, посвященные хозяйственному садоводству, не только содержат советы по практике устройства садов (рекомендации по разведению растений, насаждению живых изгородей, удобрению почвы и т.д.), но и помещают статьи по истории и теории садово-паркового искусства (о различных стилях, регулярных и пейзажных типах садов, знаменитых садах прошлого и современности и т.д.). При этом бросается в глаза, что, наряду с повышенным интересом к экзотической садовой традиции японского и китайского миниатюрного садоводства, основная масса этих публикаций характеризуется обращением к прошлому русского садоводства. Статьи объединяются тенденцией к «припоминанию» собственной садоводческой истории и утверждению на ее основе новой садовой культуры «здесь и сейчас».

«Глянцевой» популяризации садовой тематики предшествовал значительный рост числа отечественных и зарубежных исследований и публикаций. Как известно, в контексте изучения русского садово-паркового материала, знаковый характер приобрела монография Д.С. Лихачева, вышедшая впервые в 1982 г., и в особенности ее исправленное и значительно дополненное издание 1991 г.³ Эта работа сформулировала постановку проблемы «сада как текста». Предложенный Лихачевым тезис оказался

¹ Цитата с обложки тематического приложения к журналу «Интерьер + дизайн» (2004. № 5), носящего название «100% загородный дом» и выходящего тиражом в 40.000 экземпляров.

² Следует отметить, что при этом пока не стал очевиден спрос на глянцевые журналы с рекомендациями по скульптуре, живописи, литературе или музыке, нацеленные на ту же аудиторию, хотя в области изобразительного искусства эту функцию отчасти пытается взять на себя журнал «Пинакотека». Рекомендации по приобретению произведений искусства, наряду с предметами дизайна, содержатся и в выпусках вышеупомянутого журнала «Интерьер + дизайн».

³ Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Л., 1982 (2-е изд. — СПб., 1991; 3-е изд. — М., 1998).

центральным для исследователей в области истории архитектуры, живописи, декоративно-прикладного искусства, литературы, музыки, театра и т.д., рассматривающих сад как произведение искусства и бытовое пространство. В условиях постепенного снижения популярности семиотической методологии, «открытие» садового материала привело, тем не менее, к возникновению ряда публикаций, в фокусе которых оказался семиотический аспект взаимоотношений сада и текста. Опыт семиотического исследования сада с энтузиазмом был воспринят научной общественностью и послужил стимулом для развития этой темы в широком методологическом спектре. Авторы данного обзора видят свою задачу в том, чтобы критически рассмотреть основные появившиеся за последние двадцать лет исследования русской садово-парковой культуры и обозначить наиболее значимые тенденции в трактовке по-прежнему актуальной проблемы «сада» и «текста».

Обращение к данной теме не является для авторов обзора случайным. А.Ю. Веселова в 2000 г. защитила кандидатскую диссертацию по творчеству одного из первых русских теоретиков садоводства А.Т. Болотова, где, в числе прочих вопросов, рассматривались выдвигаемые Болотовым общие для сада и романа эстетические установки⁴. В настоящее время исследования Веселовой посвящены художественным особенностям «садовников», т.е. трактатов по теории и практике садоводства XVIII – начала XIX в.⁵

В области исследования взаимоотношений садово-паркового искусства и литературы находятся и научные интересы А.В. Ананьевой. Специфике процессов трансфера культуры в рамках дискурса о садах в России XVIII в. посвящена ее диссертация⁶. В ряде опубликованных статей она обращалась к изучению взаимосвязи описательной литературы о садах (поэзии и прозы) с эстетической программой садового пространства XVIII -- начала XIX в. Особое внимание исследовательница уделяет аспектам восприятия, процессам воображения и механизмам памяти⁷.

⁴ Веселова А.Ю. Эстетика Андрея Тимофеевича Болотова (литературная критика и садово-парковое искусство). Дис... к.ф.н.. СПб., 2000. См. также статьи Веселовой: Роман и парк в интерпретации А.Т. Болотова: единство принципов организации эстетического объекта // Русская филология. Вып. 10. Тарту, 1999. С. 36–43; Оппозиция естественное/искусственное в системе эстетических воззрений А.Т. Болотова // Внутренние и внешние границы филологического знания. Калининград, 2001. С. 124–129; Пространство парка в трудах А.Т. Болотова // Пространство и время воображаемой архитектуры. Синтез искусств и рождение стиля. (Царицынский научный вестник. Вып. 7-8). М., 2005. Рассмотрение садово-паркового искусства в контексте эстетических воззрений одного автора было продолжено на примере творчества Н.А. Львова: Веселова А.Ю. Парк в эстетической концепции Н.А. Львова // Н.А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 30–37.

⁵ Веселова А.Ю. Язык и стиль садовых трактатов конца XVIII – начала XIX вв. // Пространство и время воображаемой архитектуры. Синтез искусств и рождение стиля. (Царицынский научный вестник. Вып. 7-8). М., 2005.

⁶ Ананьева А. В. Садово-парковое искусство в России с 1700 по 1850 года и его воплощение в литературе в свете русско-немецких культурных связей. Гиссен, 2005 (манускрипт дисс. на нем. яз.: Ananieva Anna. Park- und Gartengestaltung in Russland zwischen 1700-1850 und ihre poetische Bearbeitung unter besonderer Berücksichtigung deutsch-russischer Beziehungen. Gießen 2005 (Typoskript)).

⁷ Ананьева А. Erinnerung und Imagination. Der Landschaftspark von Pawlowsk im europäischen Gartendiskurs zwischen 1777 und 1828 // Krieg und Frieden – eine deutsche Zarin in Schloss Pawlowsk. Ausst.-Kat. Haus der Kunst München, Hamburg, 2001. S. 226–280; Она же. Parkbeschreibung und Gartenerlebnis: Einführende Bemerkungen zu Heinrich von Storchs «Briefe über den Garten zu Pawlowsk» // Там же. S. 307 -- 315; Ананьева А.В. Усиление мысли и зренья – поэтическое описание Александровской дачи в контексте дискуссии о рациональном и сенсорном восприятии пейзажного сада // Гений вкуса: Н.А. Львов: Материалы и исследования. Сб. 3. Тверь, 2003. С. 299–319; Она же. Сад в поэзии и поэзия в саду: поэма Жака Делиля «Сады» и «Письма о саде в Павловске» А.К. Шторха // Эстетика versus литература: Франция – Россия – Германия / Под ред. Е. Дмитриевой, М. Эспань. М., 2005. С. 70–96; она же. Wechselspiel von Raum und Text:

Постановка проблемы взаимоотношения сада и текста⁸

Объединяя под одной обложкой статьи по истории садоводства и практические рекомендации по разведению садов, глянецовые журналы дают невольную интерпретацию садоводства как искусства и одновременно ремесла, т.е. способа оформления общественного (городское озеленение) и частного (садовые хозяйства и дачи) пространства. Такое представление о садоводстве имеет свою традицию. Аналогами современных журналов по садовому дизайну могут быть признаны периодические издания XVIII в., например, популярный в России журнал «Экономический магазин» в течение десяти лет консультировавший своего читателя по различным вопросам домоводства и садоводства. Помимо многочисленных практических советов издатель журнала помещик, агроном и писатель А.Т. Болотов публиковал статьи по истории и теории садоводства как изящного искусства. Но по-настоящему внимание на полярности ремесла и искусства по отношению к саду было заострено в распространенном с XVIII в. жанре «садовника» -- художественных описаниях садов, содержащих теоретические рассуждения о специфике садово-парковой культуры. Этот жанр, со свойственным ему слишком буквальным пониманием единства красоты и пользы, не нашел себе места в новой системе ценностей XIX в.⁹ Тем не менее, именно для «садовника» характерна отчетливая формулировка вопроса о соотношении сада и письменного текста: сад обладает материальной формой и локализован, но отличается изменчивостью в силу смены сезонов, роста деревьев и т.д., тогда как текст способен фиксировать состояние сада в определенный момент времени и может быть перемещен в пространстве¹⁰.

Исходя из того, что сад -- это реализованный в пространстве многоструктурный ансамбль, а текст -- материальное выражение речи о нем, образованное посредством естественных языковых знаков, можно выделить два уровня их взаимоотношений: *семантический и структурный*.

На уровне *семантики* сад и текст могут служить друг другу источником и поводом для возникновения как целого объекта -- произведения садово-паркового искусства или литературы, так и отдельного фрагмента, детали или мотива сада в тексте и текста в пространстве сада. Материальное присутствие текста в саду возможно в виде цитаты, например, садовой надписи или воспроизведенной в пространстве сада сцены из

Garten in zarischen Russland // Osteuropa: Zeitschrift für die Gegenwartsfragen des Ostens (Themenheft: Der Raum als Wille und Vortellung. Erkundungen über den Osten Europas / Hg. v. M. Sapper u. V. Weichsel). 2005. № 55/3. S. 136 -- 54.

⁸ В рамках данного обзора почти не затрагивается сфера мифопоэтического и формального анализа сада (метафоры, метонимии и аллегории сада, знаменитым примером которой могут служить, например, средневековые «книжные сады»). Эта тема заслуживает отдельного исследования. В хронологическом плане отбор рассматриваемых исследований ограничивается работами о садово-парковом искусстве в России Нового времени.

⁹ К теоретическим концепциям сада и к описаниям реально существующих садов обращаются авторы масштабных обзоров, посвященных садам разных времен и стран. Среди русскоязычных публикаций к ним относятся как ставшие хрестоматийными труды начала XX в., так и популярные сегодня книги по садово-парковому искусству, например: Курбатов В.Я. Сады и парки: История и теория садового искусства. СПб., 1916; Горохов В.А., Луниц Л.Б. Парки мира. М., 1985; Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М., 1988; Вергунов А.П., Горохов В.А. Вертоград: Садово-парковое искусство России. М., 1996.

¹⁰ На русском языке до сих пор отсутствуют антологии текстов о садах, а издания на французском и немецком языках, характеризующие европейское садово-парковое искусство, практически игнорируют русские сады: Baridon M. Les jardins. Paysagistes -- jardiniers -- poètes. Paris, 1998; Wimmer C.A. Geschichte der Gartentheorie. Darmstadt, 1989.

литературного произведения. В свою очередь, сад может появляться в тексте в виде символа, мотива или целой темы, относящейся как к какому-то конкретному, так и к воображаемому саду или к комплексу представлений о саде, хранящемуся в культурной памяти. Наряду с появлением самостоятельных поэтических и прозаических описаний реальных садово-парковых ансамблей, в истории культуры нередки и случаи создания садов по литературным произведениям.

Проблематика обоюдного сравнения и подражания сада и текста актуализируется на *структурном* уровне их взаимоотношений. Так, литературные жанры могут служить аналогом организации садового пространства и наоборот. Известно, что английский поэт, философ и теоретик раннего пейзажного сада Джозеф Аддисон уподобляет сонет и эпиграмму регулярному садовому стилю, полемически противопоставляя их роману и пейзажному саду¹¹. С другой стороны, автор легендарной поэмы «Сады, или Искусство украшать ландшафты» французский поэт Жак Делиль, опираясь на эстетические средства пейзажного сада, обновляет поэтику дидактической описательной поэмы¹².

Тексты о реальном или воображаемом саде

Очерченная на уровне семантики типология взаимоотношений сада и текста предполагает представление о существовании словесности и садоводства как двух автономных областей искусства. Такому положению дел соответствует принятое еще с XIX в. разделение дисциплин на искусствоведение, изучающее реализованный в пространстве сад, и литературоведение, анализирующее текст. Показательно то, что в публикациях по истории искусства преобладают архитектуроведческие исследования, рассматривающие сады как пространственно-предметное искусство¹³. Описания садов, вернее тексты о садах вообще, принято в таких исследованиях использовать в качестве документов, содержащих информацию об устройстве садов того или иного периода или региона. Характерное для историков архитектуры доверие к изобразительным источникам (чертежам и иллюстрациям) распространяется и на письменные¹⁴. При этом особенности, присущие самому тексту, его жанровые характеристики, т.е. сам фактор «литературности» и связанные с ним возможности высказывания и интерпретации, как правило, не учитываются вовсе, тогда как описания садов, несмотря на очевидную «жанровую» устойчивость, даже в формальном плане далеки от «антропологических констант» и подвержены историческим изменениям хотя бы потому, что тексты о садах находятся в определенных взаимоотношениях с представлениями о саде.

Ярким примером происходящих изменений в практике использования художественной литературы как источника информации для искусствоведческого анализа служат исследования **В.С. Турчина**. Подводя итоги собственным суждениям

¹¹ Addison J. Upon the Pleasure of the Imagination // Spectator. 1712. № 411 -- 421.

¹² Delille J. Les Jardins, ou l'art d'embellir les paysages. Paris, 1782. (Рус. перевод: Делиль Ж. Сады. Л., 1988.)

¹³ Кохно Б.И. Садово-парковое искусство. Л., 1980; Боговая И.О., Фурсова Л.М. Ландшафтное искусство. М., 1988; Ожегов С.С. История ландшафтной архитектуры. М., 1994; Ильинская Н.А. История садово-паркового искусства и ландшафтной архитектуры: Учеб. пособие. СПб., 1998.

¹⁴ Редким примером рефлексивного подхода историка архитектуры к письменным источникам является до сих пор не потерявшая своей актуальности монография Т.Б. Дубяго: Дубяго Т.Б. Русские регулярные сады и парки. Л., 1963. Из последних аналогичных работ можно также назвать следующую книгу: Горбатенко С.Б. Петергофская дорога: Историко-архитектурных путеводитель. СПб., 2002.

ряда лет, исследователь, соавтор одной из первых крупных, советских публикаций об усадебном садоводстве¹⁵, отмечает, что «о парках <...> мы чаще всего судим не только по <...> сохранившимся пейзажам в поместьях, но и по планам их, различным описаниям, а также и рекомендациям. <...> Обращаясь к ним, следует иметь в виду, что одни тексты дополняются другими, и стоит представлять себе, что многие авторы, из сочинений которых привлекаются теперь только те, в которых выражены их “теории садов”, писали и иные книги»¹⁶. В программной части этой объемной статьи автор призывает к расширению спектра текстов, которые должен учитывать искусствовед, историк садово-паркового искусства: «...изучая сады, следует шире, чем обычно делалось, привлекать всю литературу того времени, когда они создавались и цвели»¹⁷.

Практическое применение такого подхода и связанные с ним аналитические возможности Турчин продемонстрировал чуть раньше на конференции, посвященной поиску новых методологических подходов к изучению русского искусства¹⁸. Защищая тезис о том, что «синтетическое мышление конца XVIII века легко объединяло разные области знаний и представлений»¹⁹, ученый приводит доводы, подтверждающие, что максимальный охват текстовых источников при изучении сада обусловлен спецификой изучаемого предмета. Для статьи «Цветы – знаки любомудрия и чувств» характерно привлечение многочисленных литературных источников, используемых в качестве примеров разнообразных функций цветов в текстах о садах. Ссылаясь на существующую традицию поэтических текстов, преследующих морально-дидактические цели и оперирующих мифологически-аллегорическими образами, Турчин анализирует иконологию отдельных цветов, встречающихся в тексте литературных произведений и на живописных полотнах. При этом автор статьи демонстрирует возможности дополнительной интерпретации портретов, открывающиеся восприятию, знакомому с современным художнику языку цветов. От иконологического прочтения флоральных мотивов на картинах Турчин переходит к садовым справочникам и ботанической литературе, которые служат, по его мнению, примером синтеза эмблематики и ботаники в эстетике быта конца XVIII -- первой трети XIX в. В заключение автор приводит примеры уподобления садового пространства стихотворению и роману, подтверждающие представление о необходимости «прочтения» сада как не только заключающего в себе отдельные поэтические символы (памятники, павильоны, надписи), но и представляющего собой растительный ансамбль, отсылающий к «семантической структуре всей аллегоризованной природы»²⁰.

Среди работ последних двух десятилетий одну из первых попыток осознанного, дифференцирующего подхода к широкому спектру садовой литературы представляет собой неопубликованная диссертация **О.В. Докучаевой**²¹. Эта монография посвящена изучению пейзажного парка в России второй половины XVIII в. как самостоятельного

¹⁵ «...в окрестностях Москвы»: Из истории русской усадебной культуры XVII -- XIX веков / Сост. Аникст М.А., Турчин В.С. М., 1979.

¹⁶ Турчин В.С. Любителям прогулок по садам // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. № 9 (25). М., 2003. С. 47.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: XVIII век. Ассамблея искусств. Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. Концепция этого сборника демонстрирует возможности исследования взаимодействия сада с литературой, живописью и театром как работы внутри одного художественного пространства.

¹⁹ Турчин В.С. Цветы – знаки любомудрия и чувств // Там же. С. 110.

²⁰ Там же. С. 109.

²¹ См.: Докучаева О.В. Пейзажный парк в России второй половины XVIII века в сознании современников. Автореферат дис. ... канд. иск. М., 1989.

явления. Работу отличает широкий охват проблематики, благодаря включению историко-культурного и источниковедческого анализа. Цель – воссоздать образ пейзажного сада «на уровне сознания современников, его модель в присущих ей внутренних закономерностях, мировоззренческих, художественно-стилевых и функциональных аспектах»²². Здесь же намечена проблема прагматического различия текстов о садах, касающегося в частности теории, практики или художественного образа сада. Исследование Докучаевой нацелено на комплексный подход к садово-парковому вопросу и представляет собой тем самым пример искусствоведческой работы, параллельной литературоведческому исследованию Лихачева, отправным пунктом которого служила критика традиционных архитектуроведческих исследований, низводящих феномен сада до статуса «зеленой архитектуры»²³.

Раннему периоду развития пейзажного стиля садово-паркового искусства в России посвящена книга немецкого искусствоведа **Маркуса Кёлера**²⁴. Заслуга этого исследования, выполненного в рамках кандидатской диссертации и опубликованного ранее под другим названием²⁵, заключается в том, что автору удалось впервые реконструировать профессиональный путь немецкого садового мастера Иоганна Буша, расцвет деятельности которого, как известно, связан с садово-парковым ансамблем Царского села²⁶. В первой половине монографии дается представление о деятельности Буша как садового мастера и торговца растениями на фоне особенностей садоводства в северной Германии и европейского рынка растений второй половины XVIII в. Особое внимание при этом уделяется внедрению дендрологических новшеств, сопровождавших распространение формальных принципов пейзажного, так называемого английского садостроения в Германии. Вторая половина книги посвящена новому поприщу Иоганна Буша, переехавшего летом 1771 г. из Лондона в Петербург и получившего должность интенданта Царского села, которую он разделял со старшим садовым мастером Трифоном Ильиным. Интересные, хотя и не бесспорные рассуждения Кёлера представлены в главах, посвященных переустройству царскосельского садово-паркового ансамбля в пейзажном стиле. В этой связи исследователь утверждает наличие «конгениального сотрудничества» между коронованной владелицей резиденции и ее новым садовником²⁷. К этому выводу, на котором в основном построен анализ «русского» периода работы Буша, исследователь приходит на основании одной недатированной записки, хранящейся в РГИА, в которой, предположительно со слов Екатерины II, выражено требование к Бушу

²² Там же. С. 4.

²³ Симптоматичны слова одного из авторов таких работ, назвавшего исследование Лихачева рассмотрением «истории садов с неканонической философской позиции» (Ожегов С.С. Указ соч. С. 191.) Впрочем, характеристика эта здесь кажется безоценочной.

²⁴ Köhler M. Frühe Landschaftsgärten in Russland und Deutschland. Johann Busch als Mentor eines neuen Stils. Berlin, 2003.

²⁵ Köhler M. «...thinking himself the greatest gardener in the world» – der Pflanzenhändler und Hofgärtner Johann Busch: Eine Studie zur europäischen Gartengeschichte in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1998 (Mikrofiche).

²⁶ Иоганн Буш родился ок. 1725 г. С большой степенью вероятности он находится в родственных связях с бранденбургским семейством садоводов Бушей, стоявших в конце XVIII – начале XIX в. на службе прусских королей. Получив начальное образование, Буш в возрасте 13-14 лет был отправлен в подмастерья садовода в г. Шнега. После трехлетнего обучения при великокняжеском ганноверском садовом хозяйстве он был направлен в 1743-44 г. сначала в Голландию, а позже в Англию (см.: Köhler M. Frühe Landschaftsgärten in Russland und Deutschland. С. 12 – 13). В Россию Буш приехал из Англии, что объясняет принятое в литературе написание его имени в английском варианте как Джон Буш.

²⁷ Там же. С. 125.

составить список трав²⁸. Найденный счет за покупку Бушем одной книги об искусстве садоостроения дает автору повод утверждать, что между императрицей и садовником имели место не только многочисленные личные разговоры во время утренних прогулок по перестраиваемому саду (вопреки этикету!), но и беседы о садово-парковом искусстве вообще. Важной частью этого «сотрудничества» является самостоятельная садоостроительная деятельность императрицы, которую Кёлер демонстрирует в отдельной главе на примере Гатчины и Павловска²⁹. Влиянию наследия Буша на развитие ряда других императорских садово-парковых ансамблей посвящена заключительная часть книги. Следует отметить очевидные достоинства книги, связанные с вниманием ее автора к обычно недостаточно освещенной исследователями ботанической стороне садово-паркового искусства, но Кёлер увлекается и, явно переоценивая возможности одного садового мастера, возводит Буша в «ментора нового стиля».

Монография впечатляет массой использованных архивных материалов из немецких, английских, российских и итальянских архивов. Усилия Кёлера, затраченные на разыскания материалов в фондах российских архивов, безусловно заслуживают уважения, несмотря на то, что поиски документов нередко заканчивались неудачами. В результате исследователь в ряде случаев опирается на косвенные свидетельства, что противоречит сформулированному им самим требованию четкой, научно выверенной аргументации³⁰. Специфика работы в архивах и возможные затруднения, связанные с неоднократными преобразованиями российских архивов, известны исследователям русской культуры XVIII -- XIX вв. Автор книги, однако, не стремится облегчить доступ к находившимся в его распоряжении материалам, в том числе и опубликованным. Кёлер использует в своем труде англоязычную транслитерацию русских источников, которая существенно расходится с принятой в немецкоязычных публикациях норме. Можно предположить, что вследствие этого, казалось бы лишь формального, недостатка, затрудняющего библиографическую идентификацию используемой литературы, в книге возникла и путаница в именах исторических лиц и названиях отдельных садово-парковых ансамблей³¹.

²⁸ Там же. С. 125, 262.

²⁹ Там же. С. 126 -- 178.

³⁰ Кёлер резко критикует отсутствие таковой в публикациях своих предшественников, в частности А.Н. Петрова и Д.О. Швидковского (*Köhler M. Frühe Landschaftsgärten in Russland und Deutschland. Berlin, 2003. С. 8–9*).

³¹ Приведем несколько примеров. В связи с начальной стадией строительства садово-паркового и дворцового ансамбля в Пелле Кёлер пишет о том, что Кваренги создал план, а строительные работы были поручены Ивану Стасову. В тексте соответствующей сноски читаем: «поэтому вероятно, что Старов [sic!] с самого начала сотрудничал с Кваренги» (Там же. С. 191 и 282). Александрова Дача вблизи Павловска фигурирует в книге Кёлера под названием Александровка (С. 199). В роли автора ставшей хрестоматийной публикации М.И. Семевского о Павловском парке (Павловск. Очерк истории и описание 1777 -- 1877. СПб., 1877) выступает на протяжении всей книги некий Павлович по имени

Развитие пейзажного стиля садово-паркового искусства в России находится и в центре научных интересов Д.О. Швидковского³². Среди тем, объединяющих российского исследователя и полемизирующего с ним упомянутого выше немецкого искусствоведа, можно назвать вопросы англо-русских связей³³, садостроительную деятельность Екатерины II и поиск новых материалов, связанных с русским садово-парковым искусством второй половины XVIII в.³⁴. Швидковский, однако, концентрируется на личности архитектора Чарльза Камерона и реализации его проектов в пространстве дворцово-парковых ансамблей Царского села и Павловска. Многочисленные публикации исследователя затрагивают вопросы неоклассического, готического и восточного стилей в архитектуре усадебного и городского строительства. Особое значение отводится анализу элементов просветительского классицизма в пространстве русских садов второй половины XVIII в. Швидковский выступил редактором одного сборника, интересного для данного обзора заявленным стремлением к поиску новых путей изучения садово-паркового искусства, связанных с исследованиями молодых специалистов³⁵. Статьи данного сборника, выполненные историками-искусствоведами, демонстрируют обновленный подход к опробованному в искусствознании опыту обращения к произведениям литературы для изучения стилей садово-паркового искусства, таким как философская и мемуарная литература, переписка вокруг Екатерины II. Особый интерес в этом плане представляет статья Н. Грязновой о нравственных категориях в садово-парковом пространстве Александровской дачи, этого знаменитого своей литературной историей парка.

Литературоведение традиционно занимается изучением сада как темы художественных произведений. Но исследовательский интерес в таких работах почти всегда направлен не на сам сад, а на функциональное значение этой темы для поэтики или идеологии текста. Сад при этом традиционно либо сужается до символического мотива, либо вообще теряет свою специфику, становясь одним из элементов природоописания³⁶. У филологов не принято обращаться к таким источникам, как садовая документация (чертежи, планы, наброски) или самим реализованным садам.

Константин. А художника Франсуа Виолье (Henri Francois Gabriel Viollier, 1750 – 1829), работавшего при дворе в.к. Марии Федоровны, если следовать Кёлеру, звали Viollet (С. 285).

³² *Shvidkovsky D.* The Empress and the Architect: British Architecture and Gardens at the Court of Catherine the Great. New Haven, 1996; *Швидковский Д.О.* Чарльз Камерон при дворе Екатерины. М., 2001.

³³ Русско-английские контакты, в том числе и на почве садово-паркового искусства, изучает английский славист Энтони Кросс: *Cross A.G.* «By the Banks of the Thames»: Russians in Eighteenth century Britain. Newtonville (Mass.), 1980 (рус. перевод – СПб., 1996); *он же.* «By the Banks of the Neva»: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge, 1997; *он же.* The English Garden in Catherine the Great's Russia // *Journal of Garden History.* 1993. Vol. 13. № 3. P. 172-181 См. также: *Соколов Б.М.* Британская теория пейзажного садоводства и ее место в культуре русского Просвещения // *Философский век: Альманах.* Вып. 20. Россия и Британия в эпоху Просвещения. Ч. 2. СПб., 2002. С. 193 – 213.

³⁴ *Швидковский Д.О.* Архитектор Чарльз Камерон. Новые материалы и исследования. Автореферат дисс. ... канд. искусств. М., 1984; *он же.* Англо-русские связи в архитектуре второй половины XVIII – начала XIX в. Автореферат дисс. ... док. искусств. М., 1994.

³⁵ История садов. Вып. 1 / Под. ред Д.О. Швидковского. М., 1994 (Авторы сборника: Л. Кирюшина, Н. Грязнова, Н. Молок, А. Корчева, З. Подымова, Е. Золотарева, А. Лосева, М. Леонидова).

³⁶ См., например: *Краснокутский В.С.* О некоторых символических мотивах в творчестве И.С. Тургенева // *Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX – начала XX в.* Л. 1985. С. 135 – 150; *Эпштейн М.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990; *Зингерман Б.И.* Театр Чехова и его мировое значение. М., 2001 (особенно главы «Пространство в пьесах Чехова», «Столица и усадьба», «Тургенев, Чехов, Пастернак»); *Торияма Ю.* Зрительная культура и русская литература конца XVIII – начала XIX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Учет документального материала, но уже с иными целями, обычно производится в рамках историко-биографического подхода, т.е. при исследовании творчества одного автора в контексте его биографии (например, в рамках изучения усадебной жизни А.С. Пушкина или Л.Н. Толстого)³⁷. Такой подход характерен для краеведческих трудов, способных объединять литературоведческие и искусствоведческие интересы. Однако в российской науке краеведение традиционно находится на периферии научной деятельности и обладает рядом объективных недостатков.

Убедительным примером авторского исследования, продемонстрировавшего возможности объединения искусствоведческого и литературоведческого подхода на уровне анализа семантики взаимоотношений сада и текста можно признать вышеупомянутую монографию Д.С. Лихачева. Опираясь на массу исследований, предпринятых представителями отдельных дисциплин на материале различных эпох и культур, Лихачев создал инновативный текст о саде в России на фоне европейской истории. Лихачев вводит категорию стиля, оперируя которой, он обозначает специфику определенной эпохи и рассматривает в ее контексте взаимовлияния литературы и садово-паркового искусства, утверждая, что его «соображения о садах позволяют понять отдельные особенности смен стилей и в литературе»³⁸.

Методологически исследование Лихачева базируется на разработанном в трудах немецких исследователей начала XX в. Г. Вельфлина и О. Вальцеля формально-типологическом методе, позволяющем проводить сравнительный анализ произведений разных видов искусства, таких как живопись и архитектура³⁹ или живопись, музыка и литература⁴⁰. Кроме того, при выявлении общих стилистических закономерностей Лихачев обращается к приемам, использованным Н. Певзнером при разработке понятия «английского» (englishness) в английском искусстве⁴¹. На русском материале своими предшественниками Лихачев называет нескольких исследователей, сосредоточившихся на проблеме взаимодействия литературы и живописи⁴², но отечественные ученые больше внимания уделяют не поиску общих стилистических закономерностей, а изучению случаев взаимовлияния разных искусств.

Поэтому, несмотря на то, что монография Лихачева отчасти рассматривает и семантический, и структурный уровень взаимодействия сада и текста, ее главная заслуга по-прежнему состоит в том, что проблематика этого взаимодействия была в ней программно сведена к формуле «сад как текст».

³⁷ Примером могут служить материалы конференций, проводимых в соответствующих музеях-заповедниках (см., напр.: Усадьба в русской культуре XIX – начала XX века. М., 1996; Яснополянский сборник. Тула, 1992; Русская усадьба в истории Отечества. Ясная Поляна; М., 1999), а также серийные издания вроде «Михайловской пушкинианы» (выходит с 1996 г.) или журнала «Ясная Поляна» (выходит с 1990 г. по 4 номера в год). См. также: Турчин В.С. Царство Флоры в поэзии Пушкина // Русская усадьба. Вып. 6 (22). М., 2000; Фоякова Н.Н. Фет, его усадьба Воробьевка и семья Полонских // Памятники культуры, Л. 1987. С. 49 -- 63.

³⁸ Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб., 1998. С. 6.

³⁹ Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. СПб., 1994.

⁴⁰ Вальцель О. Импрессионизм и экспрессионизм. Пб., 1922; *Он же*. Проблема формы в поэзии. Пб., 1923.

⁴¹ Pevsner N. The Englishness of English Art. London, 1956. Рус. перевод: Певзнер Н. Английское в английском искусстве. СПб., 2004.

⁴² Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. ТОДРЛ. Т. 22. Л., 1966; Пигарев К.В. Русская литература и изобразительное искусство (XVIII -- первая четверть XIX века): Очерки. М., 1966; О взаимодействии древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л., 1985. (ТОДРЛ. Т. 38).

Пожалуй наиболее последовательно принцип рассмотрения «сада как текста», разработанный Лихачевым, применен в монографии **И.И. Свириды**. Несмотря на то, что заявленная в книге цель -- «историко-культурная реконструкция духовного мира польских парков»⁴³ выходит за географические рамки нашего обзора, это исследование достойно упоминания в силу продуктивности используемого в ней методологического подхода. Свирида обращается и к структурному, и к семантическому уровням анализа, рассматривая как «образ сада», так и сам «микромир сада» в культуре польского Просвещения. Изучая пейзажный сад как отражение мировоззрения эпохи, автор монографии учитывает и присущую саду антиномичность (не случайно одна из глав книги имеет подзаголовок «Между утопией и прагматикой»), и чрезвычайно важное для этого исторического периода игровое начало, получившее отражение в «игре в естественного человека»⁴⁴. Свирида исследует различные модели паркового поведения и парковый быт, привлекая самые разнообразные источники, часть из которых (описания польских парков) приведены в приложении. Отдельно следует упомянуть главу, посвященную иногда не бесспорной, но всегда увлекательной интерпретации масонской символики в парке. В целом ряде случаев можно говорить о том, что наблюдения и выводы, сделанные Свиридой на примере польского материала, носят гораздо более общий характер и применимы ко всему европейскому Просвещению в целом.

Успешным примером плодотворности междисциплинарного подхода можно признать научные сборники **«Гений вкуса»**, выпущенные Тверским государственным университетом по материалам конференций, посвященных творчеству русского поэта и архитектора, в том числе и садового⁴⁵, Н.А. Львова⁴⁶. Эти издания, во многом справедливо, претендуют на роль «первого опыта комплексного осмысления»⁴⁷ творчества данного автора, что отвечает фигуре самого объекта исследования, человека разносторонних интересов и дарований. Но плодотворность избранного организаторами конференций и составителями сборника подхода мало повлияла на методологию отдельных исследований деятельности Львова и лишь высветила то кризисное состояние, в котором находится изучение его творчества, в каждом случае ограниченное рамками одной научной дисциплины. Каждый сборник, включающий работы историков архитектуры, садово-паркового, декоративно-прикладного искусства, живописи, литературы и т.д. дает богатый материал для обобщений, которые позволили бы установить тесную взаимосвязь различных сторон творчества Львова, но такие обобщения не делаются. Напротив, материал сборников дает картину своеобразной борьбы, которая разворачивается между представителями различных наук (главным образом между историками литературы и историками архитектуры и садово-паркового искусства)⁴⁸. Некоторая парадоксальность ситуации заключается еще

⁴³ Свирида И.И. Сады века философов в Польше. М., 1994. С. 3.

⁴⁴ Там же. С. 94.

⁴⁵ Львов является автором одного из немногих дошедших до нас полных проектов планировки частного сада, к тому же включающего в себя теоретические рассуждения. См.: *Львов Н.А.* Каким образом должно бы было расположить сад князя Безбородки в Москве // Сообщения Института истории искусств. Вып. 4-5. М., 1954. С. 110 -- 126.

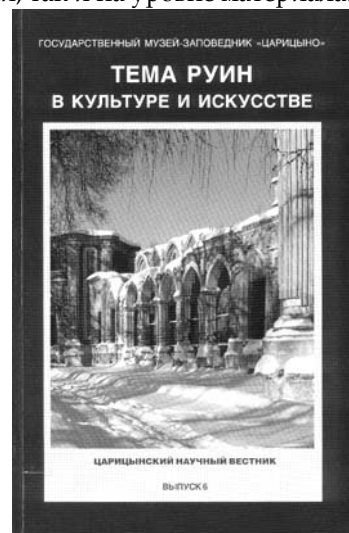
⁴⁶ Гений вкуса: Материалы научной конференции, посвященной творчеству Н.А. Львова. Тверь, 2001; Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Сб. 2. Тверь, 2001; Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Сб. 3. Тверь, 2003.

⁴⁷ Гений вкуса: Материалы научной конференции, посвященной творчеству Н.А. Львова. С. 4.

⁴⁸ Методологическая проблематика исследования творчества личностей, подобных Львову, рассмотрена одним из авторов обзора. См.: *Веселова А.Ю.* «...Мир, называемый *Львовым*»: к проблеме атрибуции

и в том, что корпус литературных текстов Львова установлен и не вызывает сомнений, в то время как множество архитектурных построек атрибутируется Львову весьма предположительно. Возможно, выходом из методологического тупика стал бы учет восприятия самим Львовым архитектуры как искусства воплощающего некие объективные эстетические идеалы в противопоставлении литературе как искусству манифестирующему индивидуальную авторскую волю. Но учитывать эти особенности эстетических воззрений Львова можно только при определенной широте кругозора, выходящей за пределы «своей» науки, как методологически, так и на уровне материала.

Сама практика объединения представителей различных дисциплин вокруг одного объекта исследования может быть признана весьма продуктивной. Даже если взаимодействие специалистов из разных областей знания в рамках конференции или общего сборника научных статей не ведет к подлинной интеграции, само столкновение точек зрения и подходов является смыслопорождающим и способно дать толчок к дальнейшим исследованиям. Такой стимулирующей дальнейшие исследования силой обладает сборник «Тема руин в культуре и искусстве», изданный под редакцией Б.М. Соколова⁴⁹. Объединяющим научные усилия началом является здесь не творчество одного автора, а одна из знаковых тем садово-парковой эстетики. Руины рассматриваются как литературный образ (статьи К.А. Чекалова, Н.Т. Пахсарьян, Е.П. Зыковой), объект изображения в живописи и декоративно-прикладном искусстве (статьи М.Д. Краснобаевой, Т.Д. Карякина, А.Ю. Броницкой) и элемент художественного оформления пространства в архитектуре и садово-парковом искусстве (статьи А.Е. Ухналева, А.Ю. Александровой, Г.В. Семеновой, Ю.Я. Герчук и О.В. Докучаевой). Единство освещения темы достигается тут не столько посредством наложения результатов исследований представителей разных дисциплин, сколько самой постановкой вопроса, изначально требующей интегративных усилий от каждого их участников сборника при освещении своей специальной области. Концептуальный тон изданию задает редактор-искусствовед, специализирующийся на истории европейской садово-парковой культуры⁵⁰. Предложенное в его статье определение руины как границы культурных миров (прошлого и настоящего, цивилизации и варварства, естественного и искусственного и т.д.) оказывается очень удачным, так как бросает ответ на все остальные статьи сборника⁵¹. Представленный в этой книге подход образует основу регулярных научных конференций -- Царицынских чтений, проводимых по инициативе московского исследователя и на базе

архитектурных произведений Львова // Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Сб. 2. С. 96 -- 105.

⁴⁹ Тема руин в культуре и искусстве. М., 2003.

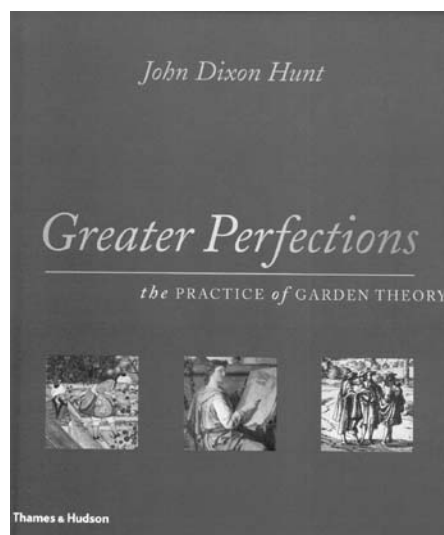
⁵⁰ См. его работы: Язык садовых руин // Arbor mundi/Мировое древо. 2000. № 7. С. 73 -- 106; Сады и парки // Русское искусство: Иллюстрированная энциклопедия. М., 2001. С. 449 -- 452; Альбом Графа Северного, или Сады Павла I // Наше наследие. 2001. № 57. С. 78 -- 115; Мир садов, или Живая книга // Новый Мир искусства 2002. № 6. С. 8 -- 10.

⁵¹ Соколов Б.М. Руина как граница культурных миров // Тема руин в культуре и искусстве. С. 7 -- 38.

Государственного историко-архитектурного, художественного и ландшафтного музея-заповедника «Царицыно»⁵².

Знаковые системы и семиотика поведения

Проблематика взаимоотношений сада и текста не ограничивается вопросами дисциплинарного сотрудничества между специальными областями истории изобразительного искусства и литературы. Садово-парковое пространство, помимо растительного и животного мира, включает в себя материальные элементы архитектуры и скульптуры, а также на разных уровнях взаимодействует с литературой, театром и живописью. Таким образом, в пространстве сада сосредоточены знаки, имеющие не только различное материальное выражение, но и относящиеся к разным системам, и следовательно, ключевой характеристикой садово-паркового ансамбля становится его структурно-функциональная неоднородность. Учитывая этот факт, нельзя не признать ограниченность возможностей сравнительного метода изучения садовой культуры.

Специфика произведений садово-паркового искусства нашла отражение в полемически заостренном термине «третья природа», введенном в 1994 г. английским исследователем **Джоном Диксоном Хантом** в европейскую научную дискуссию о садах⁵³. Обращаясь к изучению представлений о саде, Хант рассматривает теоретические и концептуальные основы садово-паркового искусства и обнаруживает в трактатах эпохи Возрождения идею сада как третьей природы. Эта концепция развивает представление о двух типах природы, согласно которому первой природой считается природа дикая, без признаков человеческого присутствия (собственно природа), а второй природе⁵⁴ соответствует агрикультура, и подразумевает под третьей природой сады, то есть пространство, измененное в соответствии с определенными эстетическими требованиями. Особенность третьей природы заключается в ее постоянном взаимодействии с первой и второй: сад формируется в процессе постоянного отграничения от дикой, первой природы, и вырабатывает образцы для второй, нацеленной на сельскохозяйственное производство. Опираясь на эти категории, Хант рассматривает значение вербальных и визуальных знаковых систем в образовании садового пространства, и таким образом связывает литературу, живопись и

⁵² Так, например, последняя конференция, проходившая в сентябре 2004 г., была посвящена художественным явлениям и стилистическим новациям, возникшим на основе синтеза искусств.

⁵³ Hunt J.D. The Idea of the Garden, and the Three Natures // Zum Naturbegriff der Gegenwart: Kongressdokumentation zum Projekt «Natur im Kopf». Stuttgart, 1994. Bd. 1. S. 312.

⁵⁴ Понятие второй природы в значении агрикультуры было введено Цицероном: Marcus Tullius Cicero De nature deorum (II, 60). Stuttgart, 1995. S. 226.

садово-парковое искусство в хронологическом диапазоне от Древнего Вавилона до современности⁵⁵.

Новые горизонты в исследовании садов открыло изучение сада как знаковой системы в рамках семиотической методологии. Ее применение позволило по-новому поставить вопрос о понятии «текст» в его отношении к саду. Помимо традиционного анализа садовых мотивов и образов, гуманитарная наука обратилась к рассмотрению сада во-первых, как знака в тексте, а во-вторых, текста в контексте культуры, диктующего семиотику поведения⁵⁶. Ведущую позицию в этом процессе заняли представители московско-гартуской школы.

Одно из первых семиотических исследований текста и сада было опубликовано **Т.В. Цивьян**⁵⁷. Автор предпринимает анализ фрагмента четвертой книги «Георгик» Вергилия и указывает на новаторство поэта, заключающееся в том, «что он ввел в литературу сад как мифопоэтическую модель, уничтожив разницу между мифологическим, лирическим и реальным садом, т.е. объединив все эти аллосады в один – *hortus*. Формулой *sanctem hortos* Вергилий закрепил сад *in se* как самостоятельную единицу поэзии, расширил его разрешающую способность, переведя техническое, т.е. чисто утилитарное, описание в ранг искусства»⁵⁸. Таким образом, Цивьян анализирует особенности перехода от символического значения и изображения сада к мифологеме, включенной в поэтическую речь. Несмотря на обращение автора статьи к произведению античной литературы, упоминание ее в данном обзоре представляется необходимым по двум причинам. Во-первых, именно текст описания сада из четвертой книги «Георгик» Вергилия является ключевым моментом для дискуссии о выразительных возможностях описательной поэзии XVIII в. в связи с развитием пейзажного сада⁵⁹. На выводы, представленные в статье Цивьян, опирается **Ю.М. Лотман** в работе, посвященной литературной полемике начала XIX в. Анализируя пути развития русской поэзии на материале описательной поэмы Ж. Делиля «Сады» в переводе А.Ф. Воейкова, Лотман отмечает, что выбор Воейковым

⁵⁵ Новейшие публикации: *Hunt J.D. Greater Perfections: The Practice of Garden Theory*. London, 2000. Он же. *The Picturesque Garten in Europe*. London, 2002 (о России: С. 176–187). О необходимости критического пересмотра традиционного изучения садово-парковой истории в перспективе развития архитектуры и живописи см. его статью в сборнике знаменитого центра по изучению садово-паркового искусства Дамбертен Окс: *Approaches (New and Old) to Garden History // Perspectives on Garden Histories (Dumbarton Oaks Colloquium on the History of Landscape Architecture, XXI) / Ed. M. Conan*. Washington, 1999. P. 77–90. Помимо выраженного требования междисциплинарности в подходе к изучению истории садово-паркового искусства, Хант обрисовывает в этой статье ряд возможностей осознанно критического научного подхода к садам. В частности, он предлагает отказаться от привычного применения такой терминологической оппозиции, как «регулярное» и «нерегулярное» садостроение. Ее место может занять вопрос о существовании отдельных модусов, соответствующих различным формам репрезентации природы. По мнению Ханта, следует обращаться к «динамическим» темам истории садов, открывающим возможности анализа сада (его устройства и бытования) во всей многогранности взаимосвязей с существующими дискурсами.

⁵⁶ *Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи*. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 129-132.

⁵⁷ *Цивьян Т.В. Verg. Georg. IV, 116 -- 48: К мифологеме сада // Текст: семантика и структура*. М., 1983. С. 140-152. Статья Цивьян была сдана в печать незадолго до выхода монографии Лихачева, но автор ссылается на анонсированную к тому моменту книгу и указывает на концепцию, в ней представленную (с. 300).

⁵⁸ Там же. С. 148.

⁵⁹ См. продолжение «Георгик», предпринятое Рене Рапеном в 1665 г., и полемический по отношению к нему перевод, выполненный Ж. Делилем.

садовой поэмы имел «программное значение»⁶⁰, поскольку описание сада как древнейшего образца культурного пространства приобретало в эстетике предромантизма общефилософское значение.

Во-вторых, статья Цивьян имеет для отечественной гуманитарной науки большое методологическое значение. Например, в рамках того же подхода и применительно к аналогичному материалу **Е.А. Погосян**⁶¹ рассматривает сад в системе политической символики середины XVIII в. Подмеченная Цивьян особенность сада, которая состоит в том, что он отражен «не только в текстах <...> но и как реалья»⁶², находит развитие в исследовании Погосян, анализирующей структуру пространства одической поэзии Ломоносова и Царского села. Знаковый характер соотношения «жизненной предметности» сада и ее «словесно-художественного выражения» является отправной точкой статьи **В.П. Ракова**, посвященной специфике садово-паркового пространства в текстах К.Н. Батюшкова и Н.В. Гоголя. Исходя из структурной однородности анализируемого материала, автор исследования демонстрирует своеобразие сада в поэзии Батюшкова, выражающееся, в частности, в утверждении художественного равенства между увеселительным, хозяйственным садом и «артистической фантазией» поэта. О контрасте с методом «эстетического равенства» Батюшкова исследователь рассматривает сады в тексте «Мертвых душ» Гоголя, «текстуальное содержание» которых свидетельствует «об игре автора с предметной действительностью», о поиске различий между садом и текстом о нем, в результате которого каждый сад Гоголя «индивидуализирован конкретностью» и «обогащен символическим содержанием»⁶³.

Подробным исследованием «флорошифра» в литературе пушкинской эпохи, выполненным на строгой научной основе с применением семиотического аппарата, является монография **К.И. Шарафудиной**⁶⁴. Автор рассматривает истоки и этапы формирования «языка цветов» от французской прозы конца XVIII – начала XIX в. до русских женских дневников и альбомов первой трети XIX в. и поэзии Пушкина, Батюшкова, Вяземского, Баратынского и Грибоедова. Монография убедительно показывает, как исследование принципов замещения одного типа знаков (языковых) другим (садовым) раскрывает новые смыслы хорошо известных текстов. Показательна в этом отношении глава «О семантике “Онегинского букета”», написанная на материале одного из самых известных и изученных произведений русской классической литературы. В то же время, в ряде случаев (особенно когда автор сама признает возможность как минимум двоякого толкования символики того или иного растения) возникает ощущение, что исследователь «вчитывает» в текст больше, чем он содержит. Монографии не хватает также выводов более общего характера, касающихся философской и эстетической основы обращения к языку цветов.

Датская исследовательница **Маргрете Флориан**⁶⁵ опубликовала книгу, целью которой стал подробный анализ эстетики, семантики и специфики использования

⁶⁰ Лотман Ю.М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе // Делиль Ж. Сады. Л., 1988. С. 191-- 209.

⁶¹ Погосян Е.А. Сад как политический символ у Ломоносова // Труды по знаковым системам. Вып. 24. 1992. С. 44 – 57.

⁶² Цивьян Т.В. Указ. соч. С. 146.

⁶³ Раков В.П. Батюшков и Гоголь (мифологема сада в русской литературе) // Художественная традиция в историко-литературном процессе. Л., 1988. С. 17 -- 18.

⁶⁴ Шарафудина К.И. Алфавит Флоры в образном языке литературы пушкинской эпохи: Источники, семантика, формы. СПб., 2003.

⁶⁵ Floryan M. Gardens of the Tzars: A Study of the Aesthetics, Semantics and Uses of Late 18th Century Russian Gardens. Aarhus, 1996.

русских увеселительных садов второй половины XVIII в. Благодаря этому исследованию у западных искусствоведов, неспециалистов по русской культуре, впервые появилась возможность подробно ознакомиться с этим периодом истории русского садово-паркового искусства⁶⁶. Несомненным достоинством автора этой книги, не без оснований претендующей на посредническую роль, является хорошее знание русского языка и соответствующий широкий охват материала, а также использование русских исследований.

Монография состоит из трех больших глав, каждая из которых посвящена одному из аспектов исследования, обозначенных в названии книги. Разбор эстетических программ исследовательница предпринимает на примерах крупных садово-парковых проектов: Летний сад Петра I, Царское село Екатерины II, Архангельское Н.А. Голицына и Кусково Н.Б. Юсупова. Анализируя садовые ансамбли, Флориан придает значение личности заказчика, выражению вкусов и эстетических взглядов, повлиявших на реализацию соответствующих проектов. В первой главе внимание автора нацелено преимущественно на архитектурные элементы сада и тексты. В заключение этой главы Флориан останавливается на теоретическом и практическом вкладе А.Т. Болотова в развитие садово-парковой эстетики. Во второй главе, посвященной семантике садов, повествование строится вокруг центральных мотивов пейзажного сада: экзотика (Ораниенбаум), античный мир и сельская Аркадия (Павловск), готика (Царицыно). Одним из центральных объектов исследования в этой связи становятся «парковые картины», воспроизводящие в дворянских усадьбах сюжеты живописи и поэзии (Останкино и Суханово). В центре внимания третьей главы — возможности интеллектуального времяпрепровождения, предлагаемого в пространстве садово-парковых ансамблей. Глава «Сады и их посетители» ставит вопрос о том, как на практике использовались сады екатерининской эпохи. Здесь речь идет о светских развлечениях, театральных представлениях, наряду с уединенным и медитативным времяпрепровождением или «ботанизированием» в саду. Для данного обзора особый интерес представляет та часть исследования, в которой Флориан обращается к поэтической и живописной деятельности посетителей садов.

Исходя из того, что интерес к устройству пейзажных парков сопровождался у современников увлечением природоописательной поэзией, исследовательница обрисовывает широкий спектр поэтического творчества от панегирической поэзии, воспевающей сады, до поэтических текстов, сопровождающих культ дружеских и интимных посланий. Ряд ярких примеров из лирических произведений Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, Н.А. Львова и В.А. Жуковского составляет основу размышлений автора книги. Тема текста и сада развивает тезис о том, что сад сам по себе обладает текстом. Текст в саду представляют разнообразные надписи, нанесенные на памятниках и колоннах (текст в его мемориальной функции) или на павильонах и храмах (адресованные посетителю или указывающие на философские или этические идеи). Как специфическую особенность русских садовых надписей исследовательница отмечает их краткость⁶⁷. Любопытна заключительная часть главы, в которой автор предпринимает сравнительный анализ стратегий репрезентаций дворцово-парковых ансамблей екатерининской эпохи с решением пространства в городских парках советского времени.

⁶⁶ Книга Флориан до сих пор является единственной монографией, посвященной истории русского садового искусства. Появление второй работы широкого плана, реализованной на этот раз Питером Хэйденом, анонсировано на сентябрь 2005 г.: *Hayden P. Russian Parks and Gardens. 2005.*

⁶⁷ *Floryan M. Gardens of the Tsars. С. 170-171.*

Показательно, что отечественные исследователи, занимающиеся садовой усадебной культурой, все чаще говорят о мифологии русской усадьбы. Одним из первых значительных исследований этой проблемы следует считать монографию **В. Шукина**. Объектом исследования в этой работе заявлена русская усадьба в период расцвета (XVIII–XIX вв.) и ее образ в художественной литературе. В предисловии автор монографии признался, что сам подвержен «обаянию мифа» и потому его исследование будет представлять собой «любующееся умозрение»⁶⁸. В то же время, обширное введение, озаглавленное «Метод и материал», свидетельствует о стремлении Шукина выработать новую методологию исследования, базирующуюся на объединении приемов и фактических данных истории литературы и геокультурологии. Автор пространно пишет о специфике исследуемого предмета как «социокультурного локуса» и «психологического феномена», требующего объединения «семиологии Лотмана», «экскурсионного» метода И.М. Гревса и М.П. Анциферова и психофеноменологического метода Г. Башляра с концепцией жанра М.М. Бахтина. Опираясь на широкое толкование понятия «жанр», исследователь приходит к выводу о существовании в русской литературе «усадебного текста» (в духе В.Н. Топорова⁶⁹), повторяющего хронотоп типичной русской усадьбы. К несомненным достоинствам работы следует отнести привлечение широкого круга самых различных источников и достижений разных дисциплин, вплоть до экономики и географии. Шукин не придерживается заявленного во введении пути исследования от реального усадебного парка, на первичном уровне объединяющего природное и культурное начала, к более обширному пространству усадьбы, а затем к поэтике и мифологии усадебного текста, а начинает с обзорного рассмотрения образа сада («вертограда») в фольклоре, древнерусской литературе и литературе Нового времени. Но подобное нарушение самим автором установленных законов лишь идет на пользу монографии, позволяя правильно расставить акценты и продемонстрировать, что в исследовании, преимущественно базирующемся на текстах Тургенева и Гончарова, центральным объектом изучения является литература и творимый ею миф.

Формы развития этого мифа – объект исследования в монографии историка литературы **Е.Е. Дмитриевой** и театроведа **О.Н. Купцовой**⁷⁰. Динамическая составляющая, как и антиномичность изучаемого явления, отражена в самом заглавии книги: «Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай». Авторы не случайно начинают предисловие с сообщения о том, что интерес к усадьбе носит для них во

⁶⁸ Шукин В. Миф дворянского гнезда: Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Kraków, 1997. С. 33.

⁶⁹ См.: Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: Введение в тему // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259 – 367.

⁷⁰ Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003. Смежная проблематика рассматривается и в статье одного из авторов обзора: Веселова А.Ю. Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка // XVIII век. Сб. 24. (В печати.)

многим биографический характер и вытекает из опыта работы в музеях-усадьбах: А.С. Пушкина в Михайловском (Дмитриева) и А.Н. Островского в Щельково (Купцова). Своего рода «взгляд изнутри» в данном случае оказывается очень продуктивным, так как позволяет задаться вопросом о том, «почему усадьба обладает поразительным свойством обращать ежеминутное, ежедневное событие, переживание – в легенду и, вместе с тем, оставлять зримым и ощутимым сам процесс возникновения этой легенды»⁷¹. Усадьба рассматривается в монографии как «культурный текст», обладающий рядом «инвариантных свойств» и способностью к порождению текстов других типов: литературных, философских, изобразительных и т.д. В то же время, авторы монографии анализируют не только процесс создания субтекстов, но и обратное влияние: «Если пытаться как-то определить жанр настоящего исследования, то это скорее всего достаточно свободное размышление филолога и историка театра о том, какую роль сам факт существования усадьбы сыграл в русской культуре, литературе, театре. И вместе с тем, это попытка проанализировать обратный процесс: как литература, театр, философия формировали усадебный быт и реальное усадебное пространство и сам способ проживания в усадьбе»⁷². При постоянном учете взаимовлияния и взаимопроникновения пространства усадьбы и текста и/или мифа о ней, исследование движется от анализа семиотического уровня смыслообразования отдельных составляющих этого текста к выявлению структурной типологии. Миф об усадьбе исследователи возводят к мифу о золотом веке, справедливо отмечая, что мода на исследования усадьбы, появившаяся в начале 1990-х, – это попытка создания «легендарного континуума на фоне исторического дисконтинуума существования русской усадьбы»⁷³.

В исследовании рассматривается ряд оппозиций, характеризующих миф об усадьбе и отраженных в названиях глав (город и деревня, пространство Бога или дьявола, рай утраченный и обретенный, хозяин и гость, и т.д.). Монография охватывает период с начала формирования усадебной культуры в XVIII в. до ее полного разрушения в XX в., но принцип изложения материала не хронологический. Наблюдения и выводы структурируются при помощи выявления наиболее значимых составляющих усадебной жизни, как временных, так и пространственных (аллея и прогулка, театр и усадебный праздник и т.д.). Авторы монографии выходят на уровень серьезных обобщений, важных для понимания целого пласта европейской культуры (например в главе о философской основе смены садовых стилей), и в то же время делают меткие наблюдения и обоснованные частные выводы, демонстрирующие новый взгляд на классические произведения⁷⁴. Особое внимание уделяется театрализации усадебного быта как отражению мифа и одновременно способу его сотворения, что не удивительно, учитывая профессиональные интересы одного из авторов книги. Представляется, что на современном этапе разделение истории и типологии русской дворянской усадьбы и мифа о ней невозможно, и потому предложенный Дмитриевой и Купцовой подход к изучению этого объекта кажется перспективным.

⁷¹ Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Указ. соч. С. 3.

⁷² Там же. С. 5.

⁷³ Там же. С. 4.

⁷⁴ См., например, главу «Духовный лабиринт Гоголя и сад Плюшкина».

От сада к усадьбе

Как показывают названные исследования, литература во многом формировала образ жизни в усадьбе. В свою очередь, в историческом плане, распространение эстетики пейзажного, в российской терминологии -- натурального сада способствовало развитию специфической жизненной философии, характерной для «человека в усадьбе». Показательно, что именно в рамках усадебной культуры актуальная для садово-паркового искусства оппозиция с ремеслом теряет свою остроту. Представление о саде в рамках усадебного ансамбля формируется гетерогенным корпусом текстов, включающим в себя, наряду с произведениями словесности разного художественного уровня, мемуары, письма, хозяйственные записки и проекты⁷⁵, указы помещиков крестьянам. Все это многообразие материала находится в центре внимания усадебоведения⁷⁶.

Данная научная дисциплина возникла в конце XIX в. на фоне исчезновения традиционных экономических основ усадебной культуры, вызвавшего ностальгию по разрушающимся «дворянским гнездам». Эта тема нашла воплощение в русской художественной литературе уже с середины XIX в., и свойственное ей настроение сожаления о невозвратимом прошлом было с характерным для эпохи модерна надрывом подхвачено в художественной деятельности объединения «Мир искусства». Примечательно, что аффектированный пассаизм элитарных декадентских кругов нашел отклик в современной ему публицистике. В 1910 г. был опубликован специальный выпуск искусствоведческого журнала «Старые годы» (июль-сентябрь), посвященный русским усадьбам, а с 1914 г. начал выходить журнал «Столица и усадьба» с подзаголовком «Журнал красивой жизни»⁷⁷. Редколлегия этого журнала так объясняла свою задачу: «Красивая жизнь доступна не всем, но она все-таки существует, она создает те особые ценности, которые когда-нибудь станут общим достоянием. Хотелось бы запечатлеть эти черточки русской жизни в прошлом, рисовать постепенно картину того, что есть сейчас, что осталось, что видоизменяется, подчеркнуть красивое в настоящем»⁷⁸. Обращаясь к разным читательским кругам, оба эти издания во многом способствовали формированию усадебного мифа, до сих пор существующего в бытовом сознании.

Выделение в начале XX в. усадебоведения в самостоятельную дисциплину происходит на фоне активно заявляющего о себе краеведения⁷⁹, с одной стороны, и принимающего крупномасштабные формы научного интереса к садово-парковому искусству, с другой. Именно в этот момент выходят до сих пор остающиеся хрестоматийными исследования А.И. Успенского и В.Я. Курбатова⁸⁰.

⁷⁵ См., например: *Смилянская Е.Б.* Дворянское гнездо середины XVIII века (Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках»). М., 1998; Письма А.М. Бакунина к Н.А. Львову / Публ. Л.Г. Агамаян // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 43 -- 95.

⁷⁶ *Злочевский Г.Д.* Русская усадьба: Историко-библиографический обзор литературы (1787-1992). М., 2003.

⁷⁷ Ср.: *Аурова Н.Н., Лотарева Д.Д.* Русская усадьба на страницах журналов «Старые годы» и «Столица и усадьба». [Аннотированный библиографический указатель]. М., 1994.

⁷⁸ *Столица и усадьба*. 1914. № 1. С. 4.

⁷⁹ См., например, классическую книгу Пыляева: *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889 (переизд. -- СПб., 2003).

⁸⁰ *Успенский А.И.* Императорские дворцы. М., 1913. Т. 1-- 2; *Курбатов В.Я.* Сады и парки. История и теория садового искусства. Пб., 1916. Этим работам предшествовали описания отдельных крупных садово-парковых ансамблей. См., например: *Бенуа А.Н.* Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910; *Вильчковский С.Н.* Царское Село. СПб., 1911; *Курбатов В.Я.* Павловск. СПб., 1912.

События Первой мировой и гражданских войн привели к уничтожению целого ряда объектов. Но коренные изменения в усадебном ландшафте повлекли за собой социокультурная перестройка послереволюционной России, в ходе которой произошло функциональное переустройство конкретных садовых и усадебных ансамблей. В частности, ряд объектов был перепрофилирован в дома отдыха, детские сады, больницы, или, в лучшем случае, музеи. При этом, если архитектурная часть ансамбля в основном сохранялась, то сады или вырубались сразу или постепенно приходили в запустение и исчезали. Большая же часть усадебных комплексов была просто уничтожена. В контексте физического исчезновения как усадебных, так и садовых ансамблей мифологизация садовой темы выходит на новый виток и даже институциализируется в связи с созданием в 1922 г. **Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ)**. Общество просуществовало восемь лет и регулярно выпускало сборник «Русская усадьба», в котором публиковало результаты своих исследований. Работа общества была возобновлена в 1992 году, и с тех пор вышло десять новых сборников под тем же названием⁸¹ и несколько богато иллюстрированных альбомов⁸².

Участники возрожденного ОИРУ позиционируют усадебоведение как междисциплинарную область гуманитарного знания⁸³. Садово-парковое искусство является при этом составной частью их деятельности. Садам посвящены самостоятельные исследования, публикуемые в трудах ОИРУ, кроме того, работы по истории отдельных усадебных комплексов содержат богатую фактографическую информацию и редкий иллюстративный материал.

Усадьбе как «пласту жизни» посвящен **сборник статей Института теории и истории изобразительных искусств** Российской академии художеств, выпущенный под редакцией И.В. Рязанцева. Авторы статей -- искусствоведы -- «руководствуются желанием рассказать об утраченном, восполнить недостающее в уцелевшем, по достоинству оценить сохранившееся»⁸⁴. Внимание исследователей сосредоточено не только на усадебном садово-парковом искусстве (О.В. Докучаева, И.В. Рязанцев), но и на архитектуре (Д.О. Швидковский, Г.К. Смирнов), скульптуре (О.А. Соснина), живописи (Л.Ю. Сасинская, А.А. Карев, А.В. Лебедев) и декоративно-прикладном искусстве (И.К. Ефремова).

В контексте данного обзора особенно интересна статья **И.М. Марисиной**, посвященная феномену путешествия в усадьбу, которое характеризуется как «неотъемлемое традиционное звено жизненного уклада»⁸⁵. Автор рассматривает типы поездок, средства и виды передвижения, повествует о вещах, сопровождающих путешественников второй половины XVIII в. Наблюдения автора, охватывающие особенности путешествия в усадьбу, строятся на основе разнообразных текстовых источников, среди которых письма, романы, календари, путеводители, описания и мемуаристика. Характерно, что для предпринимаемой Марисиной реконструкции деталей усадебного путешествия одинаковой фактической ценностью обладают как руководства по усадебному строительству, так и записки русских владельцев имений

⁸¹ Русская усадьба. Вып. 1-- 10. М., 1994 -- 2004.

⁸² Три века русской усадьбы: Живопись, графика, фотография. Изобразительная летопись. XVII – начало XX в.: Альбом-каталог. / Ред.-составитель М.К. Гуренок, гл. ред. С.Н. Романова, отв. ред. А.А. Славянская. М., 2004; Дворянские гнезда России: История, культура, архитектура / Под ред. М.В. Нащокиной. М., 2000.

⁸³ Нащокина М.В. Русская усадьба – временное и вечное // Русская усадьба. Вып. 9 (25). М., 2003. С. 7–21.

⁸⁴ Художественная культура русской усадьбы. М., 1995.

⁸⁵ Марисина И.М. «Врата столичные затворились, все скачут жить по деревьям...»: Путешествие в усадьбу во второй половине XVIII -- начале XIX века // Художественная культура русской усадьбы. С. 30.

(например, знаменитые мемуары А.Т. Болотова) или письма иностранных путешественниц (в частности, сестер Марты и Кэтрин Вильмонт). Наряду с использованием этих источников, автор статьи приводит примеры и из художественных произведений, таких как комедия Д.И. Фонвизина «Недоросль» и стихотворения Г.Р. Державина. Одновременно с этим пластом текстов, объединенных в группу своеобразных «свидетельств очевидцев», в статье широко используется информация из более поздних источников, обращающихся к тематике прошлого русской культуры, например, очерков «о старине» М.И. Пыляева и В.С. Иконникова. В результате анализа этого гетерогенного корпуса текстовых источников автор статьи приходит к выводу о наличии определенной общей для всех «материальной культуры путешествий», сформировавшейся к концу XVIII в. В рамках этой «коллективной традиции» Марисина распознает наличие индивидуальной «духовной атмосферы»⁸⁶ усадебных путешествий. Индивидуальность общепринятой практики переездов из города в усадьбу и обратно, по ее мнению, находит выражение прежде всего в описании ощущений во время путешествий, причем как реальных, так и воображаемых. Примерами того служат стихи и проза второй половины XVIII в. с описаниями деревенской жизни «как идеализированных, так и достаточно документальных»⁸⁷. Здесь автор меняет модус своего отношения к текстам от «документального» к «литературному». Если ранее текстовые документы служили ей источником фактической информации для презентации «коллективного» феномена усадебного путешествия, то теперь автор статьи использует их в связи с характерной для них «индивидуальностью» и «литературностью». Марисина делает небезынтесные высказывания о поэтической практике, сопровождающей усадебное путешествие, не предпринимая однако попыток дифференциации своей позиции по отношению к проблеме текстов, с которыми она работает. Исследовательница подмечает, что формирующееся в изучаемую эпоху «новое чувство природы меняет эмоциональный строй отношений человека с окружающим миром», достигает кульминации в рамках «странствия» по усадебному парку. Садово-парковое пространство предлагает для этого ряд специфических условий, в частности, «знаковая природа пейзажного парка подсказывала множество отправных точек для мысленного путешествия»⁸⁸. Автор приходит к выводу, что усадебное путешествие из бытовой практики постепенно перешло в литературу и искусство, таким образом, «ситуация реального путешествия стала распространенным метафорическим приемом литературного языка XVIII века». Подводя итоги, Марисина констатирует, что в России на рубеже XVIII и XIX вв. имело место специфическое пересечение и плодотворное взаимодействие культурных пространств путешествия и усадьбы, на территории которой именно планировка архитектурно-паркового ансамбля задавала координаты некоего «экстракта вселенной»⁸⁹.

В этом сборнике впервые была опубликована статья **О.С. Евангуловой**, автора ряда основополагающих исследований по истории дворцово-парковых ансамблей Москвы и Московской области. Эта публикация широко освещает тему памяти в русской усадьбе. Результаты многолетней исследовательской работы О.С. Евангуловой нашли отражение и в ее новой монографии, центральная идея которой, вынесенная в заголовок, строится

⁸⁶ Там же. С. 32.

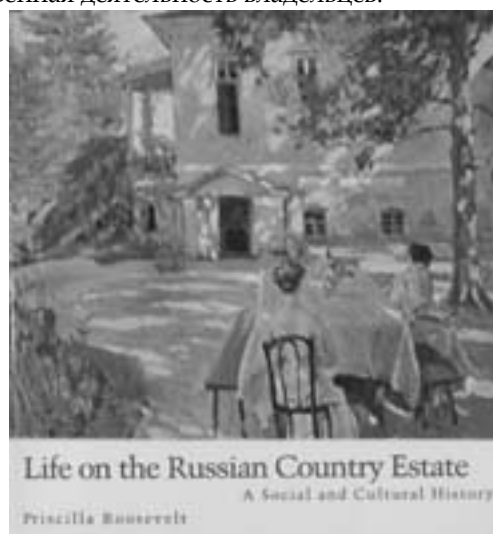
⁸⁷ Там же. С. 33.

⁸⁸ Там же. С. 35.

⁸⁹ Там же. С. 40.

на «вселенческом» характере русской усадьбы⁹⁰. Размышления о памяти разворачиваются здесь в рамках «домашней истории» усадьбы и ее жителей и находят продолжение в освещении особенностей материальных средств увековечивания – изображений и надписей, используемых в усадебном ансамбле. Автор книги привлекает множество свидетельств современников «золотого века» усадебного садоводства, следуя традиционному взгляду искусствоведов на текстовые источники, и на их основе предпринимает реконструкцию картины русской усадебной жизни. Повествование строится вокруг таких крупных тематических комплексов, как оппозиция сельского и городского образа жизни, природные и исторические пласты в художественной структуре усадьбы, художественная деятельность владельцев.

Объемная и богато иллюстрированная книга **Присциллы Рузвельт**⁹¹ американской исследовательницы повествует о следующих моделях усадебной жизни России второй половины XVIII – первой половины XIX в.: во-первых, садово-усадебный ансамбль в качестве игровой площадки аристократии, реализующей здесь свои прихоти и фантазии; во-вторых, усадьба как патриархальный мир ритуализованных праздников и традиций; в-третьих, перевоплощающаяся в пасторальную Аркадию усадьба поэтов и художников. В основе размышлений автора лежит представление о том, что реализованным в действительности моделям усадебной жизни соответствуют центральные главы истории российской элиты и ее поисков идентичности. Книга Рузвельт является первой крупной работой на английском языке о русской усадебной культуре и пользуется и по сегодняшний день популярностью среди иностранных специалистов, обращающихся к теме. Тем досаднее, что при ближайшем рассмотрении становится очевидной методологическая слабость этого исследования, представляющего собой скорее занимательную и яркую фантазию на тему «жизнь в русской усадьбе», чем основательное повествование по «истории общества и культуры», как это обещает подзаголовок книги. Основным крупным недостатком работы следует признать принципиальное неразличение фактов и фикций, смешение которых наблюдается как на уровне выбора и анализа источников, так и в ходе их толкования. Характеризуя цель книги, исследовательница пишет, что усадебная жизнь завораживает ее с тех пор, как она впервые прочла прозу Тургенева⁹². Это признание оказывается, однако, не просто эмоциональным жестом, оправданным

⁹⁰ *Евангулова О.С.* Художественная «Вселенная» русской усадьбы (культура «золотой» поры усадьбы середины XVIII -- начала XIX в.). М., 2003.

⁹¹ *Roosevelt P.* *Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History.* Yale, 1995.

⁹² «I have endeavored to combine all these sources of information into a full-scale portrait, as close as possible to the vivid reality, of life on the estate, a topic that has fascinated me since I read my first Turgenev novel» (Там же. P. XV). Аналогичную увлеченность предметом исследования, оборачивающуюся навязыванием ему авторских фантазий, представляет собой монография Томаса Ньюлина, посвященная творчеству А.Т. Болотова (*Newlin Th.* *The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral, 1738 -- 1833.* Evanstone, Illinois, 2001).

общим настроением жанра введения, а приобретает характер своеобразной исследовательской программы, в основу которой положено не просто выборочное, а аффирмативное отношение к источникам⁹³.

Глубокая проблематичность такого подхода становится наглядной, если рассматривать его в фокусе центрального для данного обзора вопроса. Обратимся в качестве примера к главе «Идеальные миры. Идиллия русской интеллигенции». Здесь Рузвельт очерчивает возникновение интеллигенции как феномена в конце XVIII в. в следствие оппозиционных настроений образованных слоев населения по отношению к официальной политике государства. Одна из характерных черт русских интеллигентов – большую часть года они проводят на селе, причем предпочтительно в родовой усадьбе. Особое значение исследовательница отводит невозвратному детству в усадебных садах, возведенному в статус талисмана, приблизиться к которому можно посредством приобретения новой усадьбы или с помощью виртуального восстановления в стихах и мемуарах. В ходе последующего повествования автора книги формальный признак автопоэтического и автобиографического письма, сгущающийся в топос потерянной идиллии детства, незаметно превращается в структурный признак русской усадьбы. С ним соотносятся в последующем изложении такие ключевые характеристики наступающего XIX в., как индустриализация и экономическая отсталость или либерализм и политическая цензура⁹⁴. Свой тезис об усадьбе как идиллии русской интеллигенции первой четверти XIX в. Рузвельт конкретизирует на трех примерах в связи с Г.Р. Державиным, А.М. Бакуниным и П.А. Вяземским. В случае с Державиным автор опирается на стихотворное произведение «Евгению. Жизнь Званская» (1807), содержание которого передается в прозе⁹⁵. Описание усадебного быта в этом поэтическом тексте Рузвельт использует, с одной стороны, в качестве идеальной модели начала XIX в., а с другой, как материал к реконструкции фактической жизни в усадьбе, реализующей требования антиаристократической модели⁹⁶. Интересно, что в заключении автор приходит к выводу о высокой степени поэтичности и художественности этой самой реконструированной по лирическому тексту жизни в усадьбе. Картина садово-усадебной жизни русской интеллигенции начала века, которую представляет Рузвельт своим читателям, наполнена красочными рассказами о том, что помещик Державин охотился после завтрака на реке за зайцами, а помещик Бакунин держал в клетке двух соловьев. Возможность интертекстуальных связей или внутрилитературных соответствий иного толка находятся вне горизонта исследовательницы, работающей в одной главе с текстами поэтических описаний Осуги и Званки. К сожалению, автор этой книги не располагает инструментарием,

⁹³ «I have reexamined the literary legacy: the memoirs, diaries, travel journals, and contemporaneous literature in which estate life was recorded and portrayed and which offer a more complete and compelling portrait of estate life than do statistics» (*Roosevelt P. Life on the Russian Country Estate. P. XIV*). Далее автор признает отличие художественной литературы от автобиографических текстов, учитывая которое в книге предпринята попытка «сбалансировать мощные поэтические стереотипы» за счет «прозаических картин мемуарной литературы», в которой «вспоминаются реальные миры» (Там же. P. XV, здесь -- перевод с англ. авторов обзора).

⁹⁴ Показательно, что свидетельство об усадебной свободе в отличие от цензуры, контролирующей городское общество начала XIX в., взято из воспоминаний 1890 г.

⁹⁵ «...the happy peasants dance and sing, shepherds bring garlands of flowers to their sweethearts» (Там же. P. 297).

⁹⁶ С оговоркой, что в Званке Державин еще не достиг идеального состояния: «Although in reality life at Zvanka had many aristocratic touches, Derzhavin's poetic insistence on his pastoral, patriarchal routine in the country typified the intelligentsia's rejection of aristocratic luxury» (Там же).

позволяющим использовать литературные источники, находящиеся в ее распоряжении, в целях серьезного анализа какого-то бы то ни было феномена культуры. Кроме того, в представлении автора отсутствует четкое осознание различных временных пластов, при всей очевидной ориентации на крупные исторические события исследуемых эпох. Размывание хронологических границ распространяется и на визуальный материал: в книге используется графические и живописные работы описываемой эпохи наряду с акварелями, выполненными в начале XX в., в качестве иллюстраций одного ряда, подтверждающих высказывания автора и отражающих историческую действительность усадебной жизни России.

На этом фоне особо следует отметить монографию **Т.П. Каждан**⁹⁷, представляющую собой скрупулезное освещение основных тенденций в архитектуре, в том числе и садовой, русской усадьбы 1830 -- 1910-х гг. Во-первых, указанный период нечасто попадает в поле зрения исследователей усадьбы (по сравнению с периодом ее «золотого века» -- второй половины XVIII – начала XIX в.), особенно в трудах обзорного характера. Во-вторых, Каждан охватывает большой объем материала, уделяя внимание как известным и хорошо сохранившимся усадьбам вроде Абрамцева, так и небольшим не дошедшим до нас поместьям. Наконец, обращает на себя внимание корректное использование источников разного типа, как традиционных для историка архитектуры планов и изображений, так и описаний, в том числе художественных. Оставаясь в рамках поставленной задачи – осветить смену архитектурных стилей и моды в русской усадьбе исследуемого периода, монография Каждан намечает выходы и на другие, иногда более общие проблемы изучения пространства усадьбы.

Специфика усадебного пространства заключается в скрещении экономических вопросов с эстетическими. Взаимосвязь утилитарных и художественных элементов характерна и для пространства сада, но роль сада как эстетического объекта, выражающаяся, например, в его подчеркнуто эмблематическом и репрезентативном характере, предоставляет ему широкий спектр возможностей. В частности, начиная с XVIII в., заострившего вопрос о взаимодействии текста и сада, до первой четверти XX в. исследователи садово-паркового искусства постоянно сталкиваются со сплетением идеологических, политических и эстетических мотивов, непосредственно сопровождающих смену садовых стилей.

Дискурсивный анализ

Исследования, обращающиеся к процессам порождения знания, его циркуляции и отношению к институтам власти, указывают на необходимость освещения специфической дискурсивности сада⁹⁸. Такая постановка вопроса позволяет на новом уровне подойти к изучению политических аспектов взаимоотношений сада и текста, в том числе репрезентацию власти в ее связи с садово-парковым искусством.

Изучению проблемы репрезентации власти в садовом пространстве посвящены работы литературоведа **Андреаса Шёнле**, профессора Мичиганского университета. Так, обращаясь к процессам, сопровождавшим колонизацию крымских территорий в конце XVIII в., исследователь подмечает, что при этом новая российская провинция

⁹⁷ Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997.

⁹⁸ На эпистемологическую функцию садов указывает Мишель Фуко: Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 29-30, 160-161.

соотносилась с образом идеального сада⁹⁹. Представление о «крымском саде» прослеживается на уровне государственной идеологии, одической поэзии и хозяйственного переустройства местности. В своем исследовании, работая на пересечении эстетики, поэтики и политики, Шёнле показывает, что именно из садово-паркового дискурса черпается аргументация имперской политики, направленной на подчинение в идеальном порядке сада гетерогенной как в этническом, так и в географическом плане территории.

В ряде статей Шёнле исследует сквозь призму обоюдного влияния литературы и садово-паркового строительства разнообразные механизмы взаимодействия бытового устройства дворянских поместий и тех усилий, которые их владельцы направляют на структурирование собственного жизненного пространства. В качестве источников используются переписка, мемуары, путевые заметки, эстетические трактаты, романы, поэзия наряду с живописным и графическим материалом. С помощью микроанализа таких примеров садово-парковых проектов, как Царское село Екатерины II, Надеждино А.Б. Куракина и Дворяниново А.Т. Болотова, литературовед анализирует стратегии автопрезентации их владельцев в контексте «большой» истории русской культуры XVIII в.¹⁰⁰

Развитие чувства природы Нового времени и представлений о субъекте и ландшафте происходит в рамках дискуссии о садовых стилях. Изменения, происходящие в это столетие, воспринимаются современниками как революционные. Дословно это определение вводится в дискуссии о регулярном и ландшафтном стилях садово-паркового искусства¹⁰¹. Зарождение нового отношения к природе сопровождается размышлениями об эстетическом восприятии внешнего мира и возможностях его выражения художественными средствами. Полемика, развернувшаяся вокруг понятий природа и искусство и определения их взаимосвязи, приводит к возрастанию интереса к садово-парковому искусству. На определенный период времени именно сад становится тем специфическим пространством, по отношению к которому формулируется и в рамках которого распространяется доверительное отношение к новому восприятию природы, признающему красоту отдельных предметов природного мира и раскрывающему переживающему субъекту возможность непосредственной связи с внешним миром.

В течении XVIII в. теория и практика садоводства постепенно приобретают характер дискурсивной деятельности, в рамках которой переживаются и апробируются существенные моменты социально-исторического, политического и философского характера. Значительную роль в формировании пейзажной эстетики, определившей ход «садовой революции», играют взаимоотношения садово-паркового искусства с другими видами искусства, в частности, с живописью и поэзией. Именно в литературных произведениях, в особенности, в описании садов распознается

⁹⁹ Schönle A. Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea // *Slavic Review*. 2001. № 60/1. P. 1 -- 23. О представлениях о райском саде в рамках государственной идеологии см.: Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, 1991. P. 65-89.

¹⁰⁰ Schönle A. A.B. Kurakin and the Local Politics of Estate Design // *Russian Literature*. 2002. № 52/1 -- 3. P. 283 -- 298; *Он же*. A.T. Bolotov's Horticultural Theodicy: The Aesthetics of «Disinterested» Wonder // *Russian Studies in Literature*. 2003. № 39/2. P. 24 -- 50; Шёнле А. Пространственная поэтика Царского села в екатерининской презентации империи // *Тыняновский сборник*. М., 2003. Вып. 11. С. 51 -- 66; *Он же*. Пространство меланхолии у Жуковского // *Эткиндовские чтения*. Вып. 1. СПб., 2003. С. 153 -- 185.

¹⁰¹ Hirschfeld C.Ch.L. Kleine Gartenbibliothek: Eine erweiterte Fortsetzung des Gartencalenders. Kiel, 1790. С. VII.

значительное средство развития и распространения эстетики пейзажного сада. О такой специфике дискурсивной практики садоводства рассуждает в своей работе швейцарский литературовед **Михаэль Гампер**¹⁰². Его исследование, посвященное немецкой садовой литературе последней трети XVIII века, носит методологически новаторский характер. В монографии Гампера приводятся доказательства того, что литературе о садах удалось интегрировать большое количество различных поэтологических программ и образовать, таким образом, гетерогенный корпус текстов, которые, используя разнообразные инновативные стратегии, формируют жанр садового описания, отвечающий требованиям литературы и обладающий культурно-исторической релевантностью.

Изучение садоводства как дискурсивной деятельности в рамках специфики русской культуры представляется нам перспективным направлением исследования¹⁰³. Проблема взаимоотношений сада и текста осознается уже в первых на русском языке садовых трактатах, появившихся в последней трети XVIII в.¹⁰⁴ Эта проблема дискутируется в связи с обсуждением достоинств и недостатков конкурирующих в это время в России садовых стилей (регулярного и натурального). Садово-парковое пространство становится экспериментальной площадкой, которая позволяет, следуя разным миметическим концепциям, выяснить возможности вербальной фиксации внешнего мира. Соответственно, описания садов используют разнообразные и нередко конкурирующие текстовые стратегии и обслуживают различные дискурсы¹⁰⁵. Очевидно, что для периода

¹⁰² Gamper M. Die Natur ist republikanisch: Zu den ästhetischen, anthropologischen und politischen Konzepten der deutschen Gartenliteratur im 18. Jahrhundert. Würzburg, 1998.

¹⁰³ Применение разработанной Гампером методики на русском материале было предпринято одним из авторов данного обзора: *Ананьева А.В.* Усада мысли и зренья – поэтическое описание Александровой дачи в контексте дискуссии о рациональном и сенсуальном восприятии пейзажного сада // *Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Сб. 3. С. 299 – 319; Она же.* Сад в поэзии и поэзия в саду: поэма Жака Делиля «Сады» и «Письма о саде в Павловске» А.К. Шторха. // *Эстетика versus литература: Франция – Россия – Германия. М., 2005. С. 70-96.*

¹⁰⁴ *Болотов А.Т.* Экономический магазин, или Собрание всяческих экономических известий, опытов, открытий, замечаний, наставлений, записок, советов... Ч. I – XL. М., 1780–1789; *Левшин В.А.* Садоводство полное. М., 1785; *Левшин В.А.* Всеобщее и полное домоводство. М., 1795; *Левшин В.А.* Собрание новых мыслей для украшения садов и дач. М., 1799; *Осипов Н.П.* Новый и совершенный русский садовник, или Подробное наставление Российским садовникам, огородникам и любителям садоводства. СПб., 1790; *Осипов Н.П.* Подробный словарь для сельских и городских охотников и любителей ботанических увеселений и хозяйственного садоводства Николая Осипова. Ч. 1. СПб., 1791; *Осипов Н.П.* Новый и совершенный русский садовник, или Подробное наставление российским садовникам, огородникам, а наипаче любителям садов. СПб., 1793. Т. 1 – 2.

¹⁰⁵ Сравнение сада и его описания на примерах взаимоотношений с дискурсами пространства и воспитания рассмотрены А.В. Ананьевой в ряде статей; о концепциях пространства: *Der Garten in zarischen Russland: Wechselspiel von Raum und Text* // *Osteuropa: Zeitschrift für die Gegenwartsfragen des Ostens*; о воспитании: *Alexandrowa Datscha: literarisches Erziehungsprogramm und seine Umsetzung im Garten* // *Der andere Garten. Erinnern und Erfinden in Gärten von Institutionen* / Hg. Natascha N. Hoefler, Anna Ananieva. Göttingen, 2005. (Formen der Erinnerung; Bd. 22). S. 101 – 124. В последнем сборнике статей

конца XVIII в. вопрос о соотношении сада и текста имеет самостоятельную ценность и является объектом постоянной рефлексии, но на протяжении XIX в., по мере постепенной профессионализации садово-паркового искусства и его изучения, его актуальность парадоксальным образом снижается. Заново поставленный в XX в. в рамках семиотики культуры вопрос о тексте сада может получить дальнейшее развитие в свете изучения практики и теории садово-паркового искусства как дискурсивной деятельности. Помимо принятого на данный момент междисциплинарного подхода к заявленной проблеме, интересных результатов можно ожидать от учета таких особенностей садово-паркового искусства, как его интермедальность, пространственность или перформативность. Намеченные в исследованиях семиотики поведения и пространства аспекты могут быть развиты в направлении изучения процессов смыслообразования и циркуляции знания о садах в текстах.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что за последние двадцать лет появилось множество исследований, как отечественных, так и зарубежных, в которых освещаются различные аспекты садово-парковой культуры России во всей ее комплексности. Вопрос взаимоотношений сада и текста, независимо от специфики методологического подхода, фигурирует во всех исследовательских контекстах. Однако при ближайшем рассмотрении приходится констатировать, что именно этот, центральный для предмета изучения вопрос, не всегда оказывается достаточно отрефлектирован исследователями. Авторы обзора видят в этом одновременно и принципиальную слабость всего корпуса исследований о русских садах, и, вместе с тем, дальнейшие перспективы работы в указанном направлении. Основными причинами существующих на данный момент недостатков можно признать следующие.

Абсолютным большинством исследователей признается структурно-функциональная неоднородность произведения садово-паркового искусства, обуславливающая ставшую общепринятой междисциплинарность подхода. Тем не менее, обращаясь к опыту смежных гуманитарных дисциплин, авторы работ о садах, как правило, не пересматривают коренным образом позиций «собственной» научной дисциплины. Следствием такого подхода оказывается лишь соположение разнохарактерного материала, методик и их результатов, а не гармоничная интеграция, которая могла бы гарантировать принципиальную научную новизну исследования. В частности, в свете заданной темы авторам обзора представляется проблематичным отношение к тексту в рамках изучения садово-паркового искусства. У текста есть свои имманентные свойства, условия возникновения, специфика устройства и законы материального существования, а также способы воздействия на свое окружение (читателя, другие тексты и артефакты) и особенности восприятия им же. В ряде исследований о садах, написанных не филологами, этот факт игнорируется, хотя современная гуманитарная наука предлагает соответствующие приемы изучения, в том числе интеграционные. Возможности этого подхода демонстрируют некоторые работы, написанные филологами, в том числе в соавторстве с искусствоведами. Филологические

предпринята попытка многостороннего освещения концепций садово-паркового устройства и поэтологических стратегий в связи с развитием таких учреждений, как ботанический и зоологический сад, публичные городские сады, сады при тюрьмах и психиатрических больницах, кладбищах и курортах.

работы, представляющие сад как объект культуры в широком смысле этого слова, однако, часто страдают недостаточным пониманием специфики изучения архитектурных объектов, ландшафта или растительного мира. Столь же проблематичным является рассмотрение сада как социополитического феномена¹⁰⁶, специфика которого могла бы быть выявлена с помощью аналитического аппарата, разработанного современной историографией и дающего возможность перехода от анализа художественного и бытового поведения к изучению вопросов власти.

К сожалению, отечественные историки редко обращаются к садовому материалу, хотя возможности работы с материалом эмблематики и иконографии сада продемонстрированы в некоторых исследованиях по русской истории¹⁰⁷. В отдельных случаях изучения смежных с садово-парковым искусством явлений русской культуры вовсе не учитывается комплекс вопросов, связанных с эстетическими особенностями не только текста, но и сада¹⁰⁸. Однако использование опыта таких методик, как семиотический или дискурсивный анализ, о которых говорилось выше, позволило бы пересмотреть некоторые ключевые вопросы истории русского садово-паркового искусства, например, представление о периоде петровских преобразований как точке отсчета в развитии отечественного садоводства или об отмене обязательной службы для дворян в екатерининскую эпоху как об условии расцвета усадебного строительства¹⁰⁹.

Современное усадебоведение предпочитает оперировать общими местами, сформулированными отечественной историографией советского периода, или обращается к шаблонам западной исторической мысли времен холодной войны. В то же время, очевидны достоинства хорошо разработанной усадебоведением техники микроанализа и изучения деталей усадебного быта. Включение этого богатого материала в более широкий контекст явлений истории культуры, с учетом, например, опыта культурной антропологии, придало бы вес результатам исследований в рамках усадебоведения и повысило бы престиж данной научной дисциплины. Положительный эффект могло бы дать критическое отношение к проблеме памяти как культурной, так и генеалогической. Как показывают современные исследования, учет специфики феномена памяти позволяет обратиться к временной парадигме как к предмету

¹⁰⁶ То, что это имеет смысл, продемонстрировал на материале английского пейзажного сада немецкий искусствовед: *Buttler v. A. Der englische Landsitz 1715 -- 1760: Symbol eines liberalen Weltentwurfs. Mittenwald, 1982; Он же. Der Landschaftsgarten. Köln, 1989.*

¹⁰⁷ *Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. Т. 1. М., 2002; Зорин А. Последний проект Потемкина: Праздник 28 апреля 1791 г. и его политическая эмблематика // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 113 -- 136.*

¹⁰⁸ Например, американский историк Кристофер Элай использует цитату из стихотворения Ф.И. Тютчева «Эта скудная природа...» в качестве броского заглавия и иллюстрации ключевого для работы тезиса, но не предпринимает анализа этого поэтического текста или даже его некой литературной контекстуализации. Кроме того, исследуя становление идеи ландшафта в России, Элай, хотя и широко привлекает живописный материал, но при этом совершенно не учитывает эстетической стороны развития представлений о природе и их разнообразных материальных реализаций, в частности в садово-парковом пространстве: *Ely Ch. This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia. Northern Illinois University Press, 2002.*

¹⁰⁹ Показательно, что ссылка на факт принятия Манифеста о вольности дворянства и его последствия для русской усадьбы является «общим местом» изучения садово-парковой культуры, однако исследование, которое подвергло социальные, политические и экономические условия статистической проверке и научному анализу и тем самым позволило фактически подтвердить и отчасти скорректировать бытовавшие представления, появилось только в 1999 г.: *Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.*

изучения¹¹⁰. Текстам об усадьбах и их садах имманентно присуща утопическая направленность в будущее и историческая ориентация на прошлое, поэтому применение к ним аналитического аппарата, разработанного исследованиями механизма памяти, позволит раскрыть специфику таких конкретных явлений, как пассивизм, и избежать наивной идеализации самого предмета изучения, опасность которой признает большинство исследователей¹¹¹.

Подводя итоги, следует признать популярность темы садово-парковой культуры как в научных кругах, так и на уровне бытового сознания. Тем не менее, при всем обилии публикаций, вопрос о соотношении сада и текста, представляющийся авторам обзора базисным как на метауровне, так и на уровне изучаемого материала, редко становится предметом рефлексии. По нашему мнению, дискуссия о саде и тексте в научном сознании не сформировалась, хотя она могла бы стать консолидирующим началом для объединения усилий представителей разных дисциплин, изучающих различные аспекты садово-парковой культуры.

¹¹⁰ Постановка проблемы изучения феномена памяти в рамках литературоведения, социологии и искусствознания связана с трудами Вальтера Беньямина, Мориса Хальбвакса и Аби Варбурга. Одной из ключевых фигур новейшей дискуссии о культурной памяти, возникшей в конце 1980-х гг., является профессор Гейдельбергского университета Ян Ассман (*Ассман Я.* Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004). Концепция культурной памяти, развитая в этой работе на материале древних культур Египта, Израиля и Греции, получила дальнейшее развитие и применение к европейской литературе Нового времени в работе, написанной Я. Ассманом в сотрудничестве с литературоведом Алейдой Ассманн (*Ассманн А., Ассманн Я.* Канон и цензура. К вопросу об археологии литературной коммуникации // *Немецкое философское литературоведение наших дней.* СПб., 2001. С. 125-156. В отечественной филологии к проблеме памяти обращались такие исследователи, как М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, М.Л. Гаспаров и др. Этой же актуальной для сегодняшней политики и культуры проблеме посвящен выпуск журнала «Неприкосновенный запас» (2005. № 40–41).

¹¹¹ *Нащокина М.В.* Русская усадьба – временное и вечное. С. 17; *Евангулова О.С.* Художественная «Вселенная» русской усадьбы. С. 8.